УДК 821.161.1

ББК 83.3(2=411.2)5

DOI: 10.33065/2307-1052-2021-4-38-23-27

Предметная детализация в рассказе А. П. Чехова «Ионыч»

Губина Валерия Викторовна,

студент историко-филологического факультета, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, г. Ульяновск, Россия

Бразжкина Наталья Александровна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, г. Ульяновск, Россия, orcid.org/0000-0001-5726-3555

Аннотация. В статье рассматриваются специфика и функции предметной детали в рассказе А. П. Чехова «Ионыч», выявляется роль предметной детализации в создании значимых для идейно-художественной структуры произведения смысловых оппозиций: «движение – покой», «дом – сад», «реальность – иллюзия». Являясь важным элементом чеховской поэтики, вещная деталь выступает и как средство «опредмечивания» человека, подчеркивая таким образом утрату им духовного начала, и как своеобразный знак-характеристика внутреннего состояния героев, подменяющих реальную жизнь иллюзией. Предложенный в работе путь анализа рассказа А. П. Чехова может быть использован при рассмотрении других художественных произведений.

Ключевые слова: чеховская поэтика, художественная деталь, предметная (вещная) деталь, антитеза (смысловые оппозиции), авторская ирония.

Subject Detailing in the Story “Ionych” (A. P. Chekhov)

Gubina Valeria V.,

Student, Faculty of History and Philology, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia

Brazhkina Natalia A.,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language, Literature and Journalism, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia, orcid.org/0000-0001-5726-3555

Abstract. The article examines the specifics and functions of the object detail in the story of A.P. Chekhov “Ionych”. The article reveals the role of object detailing in the creation of meaningful oppositions for the ideological and artistic structure of the work: “movement – rest”, “house – garden”, “reality – illusion”. Being an important element of Chekhov’s poetics, the material detail acts both as a means of “objectifying” a person,

thus emphasizing his loss of the spiritual principle, and as a kind of sign-characteristic of the inner state of heroes, substituting illusion for real life. The proposed way of analyzing the story of A. P. Chekhov can be used when considering other works of art.

Keywords: Chekhov's poetics, artistic detail, object (material) detail, antithesis (semantic oppositions), author's irony.

В 1898 году, который справедливо называют «вспышкой творческой энергии» А. П. Чехова [Турков 1980: 290], увидел свет рассказ «Ионыч». С тех пор произведение стало предметом специальных литературоведческих изысканий. Ученые рассматривают вопросы структурной организации текста [Чжэн 2014], способы передачи имплицитного содержания произведения [Федосюк 2015], специфику пространственной организации рассказа и тесно связанную с ней театральность, проявляющуюся не только в увлечении персонажей драмой, но и в уподоблении спектаклю самой жизни [Смирнов 2020]; обращают внимание на роль художественной детали в раскрытии авторской идеи [Турков 1980]; подчеркивают заметно возросшую значимость предметной детализации в творчестве А. П. Чехова по сравнению с произведениями прошлых лет [Рыльский 1960]: предмет выступает у писателя средством характеристики героя и создания подтекста [Белкин 1973; Добин 1981; Чудаков 1986; Гришечкина 2003].

Предметная деталь в рассказе А. П. Чехова «Ионыч», избранная нами в качестве предмета исследования, рассматривается в существующих литературоведческих работах, однако вопрос о ее функционировании в художественном тексте не исчерпан, чем, собственно, и обусловлены актуальность и новизна данной статьи. Под предметной деталью мы будем понимать значимые элементы вещного мира, взаимодействие с которыми характеризует персонажей и их отношения с окружающей средой.

Целью данного исследования является выявление специфики и функций предметной детали в рассказе «Ионыч».

Предметные детали в чеховском произведении приобретают особое значение благодаря способности писателя создавать с их помощью важные смысловые оппозиции. За счет противопоставления ключевых мотивов и образов авторская идея обретает в рассказе обобщенно-философский характер.

Антитезы «движение – покой» и «реальность – иллюзия» возникают при описании семейства Туркиных, но характеризуют жизнь всего губернского города С. Как и существующее на уровне пространственно-временной организации текста противопоставление «дом – сад», они показывают отказ человека от настоящей жизни, подмену им реальной действительности театрализованным и неестественным существованием без какого-либо духовного самосовершенствования. Предметная деталь, создавая эти смысловые оппозиции, либо выделяет героя из среды обывателей, либо показывает его принадлежность к этой среде. Кроме того, Чехов иногда включает персонажа в ряд конкретных материальных объектов, тем самым «опредмечивая» его.

Изображение города С. и семьи Туркиных в рассказе во многом опирается на повторы как отдельных деталей, так и целых их групп. Многочисленные повторы, касающиеся распорядка дня, а точнее, приемов пищи: упоминания ножей и жареного лука (то в кухне стучали ножами, во дворе пахло жареным луком; слышно было, как на кухне стучали ножами, и доносился запах жареного лука...[Чехов]), церемонии чаепития (потом долго сидели в столовой и пили чай; пришлось опять долго сидеть в столовой и пить чай; пили чай со сладким пирогом; потом пили чай с вареньем... [Чехов]). Эти малозаметные бытовые подробности разоблачают привлекательное с виду

семейство, делают смешными жалкие попытки Туркиных казаться интеллигентными и оригинальными. В то же время они позволяют Чехову подчеркнуть размеренность и монотонность повседневной жизни провинциалов, отсутствие в ней движения. Туркины в начале рассказа противопоставлены Старцеву, показанному в движении. Даже первый его визит к Ивану Петровичу происходит спонтанно после прогулки. Однако далее смысловая оппозиция «движение – покой» будет использована для изображения деградации самого главного героя. Если в первой части Старцев предпочитал ходить пешком, гулять (он шел пешком, не спеша; в городе он пообедал, погулял по саду [Чехов]), то в последней он становится неповоротливым и предпочитает ездить на тройке с бубенчиками [Чехов]. Стоит отметить, что кучер Пантелеймон, слившийся со своей бархатной жилеткой, иронично включается в один ряд с парой лошадей.

С изображением покоя в некотором роде связан и роман Туркиной. От слушателей он не требует ни физического, ни духовного движения (и в голову шли всё такие хорошие, покойные мысли, – не хотелось вставать [Чехов]). При этом само писательство не представляется чем-то серьезным (моя благоверная написала большинский роман и сегодня будет читать его вслух [Чехов]), а публикация произведений воспринимается лишь как способ заработка (Для чего печатать? – пояснила она. – Ведь мы имеем средства [Чехов]). Романы Туркиной описывают нереальный мир, то, чего не могло быть, и становятся частью второй важной для рассказа антитезы: «реальность – иллюзия».

Иллюзорность жизни особенно ярко проявляется в сцене на кладбище. Помимо пейзажных деталей, создающих атмосферу готического романа, Чехов использует предметные, развивая мысль о нахождении героя в особом, нереальном мире, где горит лампадка (лампадка над входом отражала лунный свет и, казалось, горела [Чехов]), а мраморные тела живы (белели уже не куски мрамора, а прекрасные тела, он видел формы, которые стыдливо прятались в тени деревьев, ощущал тепло, и это томление становилось тягостным...[Чехов]). Несостоявшееся свидание Старцева становится предзнаменованием будущей несостоявшейся женитьбы. Заметим, что чуждость Старцева окружению на этом этапе его жизни показана, в том числе и за счет привлечения вещных деталей. Герой не может сразу проследовать в клуб за Котиком, ему приходится изъездить весь город в поисках фрака. Но, даже найдя нужный костюм и получив возможность попасть в гостиную, Дмитрий Ионыч чувствует дискомфорт: жесткий галстук на нем топорщится и сползает.

Дом Туркиных в рассказе уподоблен театру, что проявляется в используемых Чеховым сравнениях (мой муж ревнив, это Отелло; точно опустился занавес [Чехов]). Жизнь в нем противопоставлена жизни реальной. Это находит свое художественное выражение в смысловой оппозиции «дом – сад»: если в саду поют соловьи, то дома стучат ножи; если на улице пахнет сиренью, то дома – жареным луком. Отметим, что из всех персонажей в сад выходят только Старцев и Екатерина Ивановна, более того, у обоих было любимое место в саду [Чехов] – скамейка. Значимо, что и признания в чувствах Дмитрия Ионыча, и разговор после возвращения из Москвы Котика происходят в саду. Не единожды выводя героев из иллюзорного мира, то есть театрального пространства дома Туркиных, полного наигранности и неестественности, в мир реальный, то есть природный, автор выделяет их как единственных, кто способен на настоящие чувства и переживания.

Уподобление жизни театру сопровождается «опредмечиванием» семьи, включением ее в ряд досуговых заведений (в С. есть библиотека, театр, клуб, бывают балы, что, наконец, есть умные, интересные, приятные семьи, с которыми можно завести

знакомства. И указывали на семью Туркиных ...[Чехов]). И если Вера Иосифовна развлекает гостей романами, а Иван Петрович – шутками, то Котик не только играет на рояле, но и сама по себе становится частью общего развлечения. Чехов указывает странную последовательность действий: сначала представляют Екатерину Ивановну, а потом все идут пить чай, при этом глаголы «представили» и «пили» находятся в одинаковой форме и создают синонимичный ряд, будто обозначаемые ими действия равноценны (Старцеву представили Екатерину Ивановну, восемнадцатилетнюю девушку, очень похожую на мать, такую же худощавую и миловидную. Выражение у нее было еще детское и талия тонкая, нежная; и девственная, уже развитая грудь, красивая, здоровая, говорила о весне, настоящей весне. Потом пили чай с вареньем, с медом, с конфетами и с очень вкусными печеньями, которые таяли во рту [Чехов]). Екатерина Ивановна включена в один ряд с предметными деталями точно так же, как ее семья – с досуговыми заведениями.

Следует отметить, что Котик – самая живая из Туркиных. Она покидает родной дом, пытается сопротивляться царящему в нем покою (я хочу славы, успехов, свободы, а вы хотите, чтобы я продолжала жить в этом городе, продолжала эту пустую, бесполезную жизнь, которая стала для меня невыносима [Чехов]), начинает движение, но не выдерживает столкновения с реальностью и возвращается. При этом дальнейшая ее жизнь застывает в одном положении и уже окончательно подчиняется установившемуся порядку, что показано, в том числе с помощью предметной детали (играет на рояле каждый день, часа по четыре; каждую осень уезжает с матерью в Крым [Чехов]). Выступления Котика, как и чтения романов ее матерью вслух для гостей, Чехов изображает не без доли иронии: исполняемый Екатериной Ивановной пассаж интересен только своей трудностью, сама игра вызывает в воображении Старцева картину сыплющихся с высокой горы камней. Но с помощью предметной детали автор отмечает серьезное отношение девушки к подготовке этих выступлений (раскрыли ноты, лежавшие уже наготове [Чехов]). После провала Екатерина Ивановна продолжает играть на рояле, но уже честно признается в своей бесталанности.

В рассказе рояль как предметная деталь используется Чеховым и для изображения развития образа Старцева. Если в начале повествования рояль, появляющийся при описании вечеров в доме Туркиных, «сближает» Котика и Ионыча, то затем он выступает причиной расставания молодых людей, так как Екатерина Ивановна уезжает учиться в консерваторию, а в конце уже не только отражает пренебрежительное отношение Старцева ко всему «талантливому» семейству (Это вы про каких Туркиных? Это про тех, что дочка играет на фортепьянах? [Чехов]), но и демонстрирует степень духовной деградации героя.

Другим предметом, характеризующим произошедшие в Старцеве изменения, является палка. С одной стороны, она используется героем как опора при ходьбе, что знаменует потерю им прежней жизненной активности; с другой – применяется в качестве своеобразного оружия, благодаря которому земский врач словно увеличивает свою силу в несколько раз, демонстрируя раздражительность, озлобленность и даже агрессивность, ставшие нормой его поведения (тычет во все двери палкой; принимая больных, он обыкновенно сердится, нетерпеливо стучит палкой; ...рассердится вдруг и станет стучать палкой о пол [Чехов]).

Со временем любовь и мечты Ионычу заменяет мысль о наживе, а прогулки – привычка пересчитывать бумажки [Чехов], ставшая своеобразным вечерним обрядом, демонстрирующим превращение денег в фетиш. Не «заработанные», а добытые

практикой [Чехов], они несут на себе печать прошлых владельцев, их социального положения: запах духов, ладана, уксуса, ворвани. Служение людям ради денег превращается в служение деньгам и ведет к духовной смерти. Вот почему на мгновение загоревшийся во время разговора с Екатериной Ивановной огонек в душе [Чехов] Ионыча тут же гаснет при воспоминании о бумажках.

Старцев внутренне отвергает среду, как бы прячется от нее, что показано с помощью предмета кухонной утвари (он садился и ел молча, глядя в тарелку; он всегда сурово молчал и глядел в тарелку [Чехов]). Посредством вещной детали изображается и одиночество, к которому в итоге приходит герой (По вечерам он играет в клубе в винт и потом сидит один за большим столом и ужинает [Чехов]). И вновь вырисовывается смысловая оппозиция: ужин в одиночестве за большим столом можно противопоставить шумным вечерам у Туркиных. Чехов изображает Старцева как противоречивого человека драматичной судьбы, постепенно пришедшего к полному уничтожению себя как личности. Герой проходит путь от Старцева к Ионычу: из молодого и наивного земского доктора, способного на сильные чувства, он превращается в человека приземленного и озлобленного, ставшего частью обывательской среды, которой поначалу был чужд. При этом среда, вызвавшая губительные изменения, сама трансформациям не подвергается (Иван Петрович не постарел, нисколько не изменился и по-прежнему всё острит и рассказывает анекдоты; Вера Иосифовна читает гостям свои романы по-прежнему охотно, с сердечной простотой).

Таким образом, посредством предметной детализации А. П. Чехов не только дает характеристику внутренним переменам в героях рассказа «Ионыч», но и заявляет значимые для раскрытия идеи произведения смысловые оппозиции, развивая мысль о гибельности пути, связанного с подменой человеком жизни реальной жизнью иллюзорной, а ценностей духовных – ценностями с доминантой материального свойства.

Источники и литература:

1. Белкин А. А. Читая Достоевского и Чехова: статьи и разборы. М.: Художественная литература, 1973. 301 с.
2. Гришечкина Н. П. Деталь в художественном мире Гончарова и Чехова // Гончаров И. А.: Материалы Международной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2003. С. 244–248.
3. Добин Е. С. Сюжет и действительность. Искусство детали. Л.: Советский писатель, 1981. 432 с.
4. Рыльский М. Чехов – художник // Литературное наследство. Т. 68. Чехов А. П. М.: АН СССР, 1960. 974 с.
5. Смирнов А. С. Театральность в рассказе А. П. Чехова «Ионыч» // Известия Саратовского университета. 2020. № 3. С. 300–303.
6. Турков А. М. Чехов и его время. М.: Советская Россия, 1980. 524 с.
7. Федосюк М. Ю. Любовь истинная и мнимая в изображении А.П. Чехова // Русский язык в школе. 2015. №1. С. 55–59.
8. Чехов А. П. Ионыч [Электронный ресурс] // Интернет-библиотека Алексея Комарова. URL: <https://ilibrary.ru/text/437/p.1/index.html> (дата обращения: 24.11.2021).
9. Чжэн Е. Виды и функция повторов в рассказе А. П. Чехова «Ионыч» // Наука и школа. 2014. № 3. С. 181–187.
10. Чудаков А. П. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. М.: Советский писатель, 1986. 384 с.
11. Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971. С. 138–187.

Статья поступила в редакцию: 26.11.2021